

ПОЭТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО АЛЕКСАНДРА СОЛЖЕНИЦЫНА

В заголовке нет ошибки: о политической значимости деяний нашего великого современника знают все, но, пожалуй, лишь считанные десятки способны судить о его месте в отечественной поэзии. Этот материал — наше приношение к 90-летию писателя.

Солженицын отдал поэзии минимум четверть века. Лагерный период — 8 лет срока (1946—1953) внёс в фонд русской поэзии его удивительную, превосходящую объёмом пушкинского «Онегина» «Дороженьку» — поэтическую «энциклопедию русской жизни» самых трагических десятилетий России (20—40-е годы), вобравших конец нэпа, «шахтинский процесс», первые пятилетки, кошмар сталинского террора и Великую Отечественную, которая окончилась для капитана-орденоносца Солженицына в Восточной Пруссии. Тогда же сложились около тридцати отдельных стихотворений (вполне — на сборник!) — и всё это было вынесено на волю... в голове (листки бы отобрали) и впервые появилось в печати лишь в 1999-м году! А «Дороженьку» Солженицын до конца дней считал едва ли не самым любимым из того, что он сочинил. Вот — из его предисловия к первой публикации своих стихов: «Здесь помещены мои произведения тюремно-лагерных лет. Они были моим дыханием и жизнью тогда. Помогли мне выстоять». А вот — из послесловия к «Дороженьке»: «Мой труд <...> так много хотелось вложить в тебя... Я изнемог от тебя ещё вдалеке до конца, я проклинал твой ритм, когда он был единственным ритмом моего дыхания... Но и даже такой ты удивляешь меня, счастливцев, что ты выжил, что ты — есть». (1) Точечным прикосновением к его поэзии — девять строк:

Когда я горестно листаю
Российской летопись земли,
Я — тех царей благословляю,
При ком мы войны не вели.

При ком границ не раздвигали,
При ком столиц не воздвигали,
Не усмиряли мятежей, —
Рождались, жили, умирали
В глухом кругу, в семье своей.

В 1920-е — 1940-е годы только в СССР (не беру поэтов зарубежья) появилось немало ярких поэтических свидетельств современности — писали Эдуард Багрицкий и Павел Васильев, Константин Симонов и Александр Твардовский, Николай Тихонов и Анна Ахматова, Владимир Луговской и Борис Пастернак, но — смею утверждать — целостный образ эпохи намечен для читателя только в «Дороженьке».

Из лагеря Солженицын вышел на больничную койку раковой клиники. Тогда же, в 1954-м, в Ташкенте он — в противостоянии болезни — обращается к русской поэтической классике, по-новому прочитывает хрестоматийное «Горе от ума», преподносимое в советских школьных программах в ракурсе гончаровской статьи «Миллион терзаний». Солженицын расставляет персонажей пьесы в совсем иные отношения, а «предтеча декабристов» (в традиционной подаче) — Чацкий оказывается у Солженицына фигурой не прогрессивной, а вполне зловецей. — «Грибоедов же (с зоркостью Достоевского!) выхватил и представил нам тип с самым широким будущим в России. Независимо от того, что получится с возрастом из этого Чацкого, — писал дебютирующий на поприще литературной критики автор, — из Александра Андрейча, — о, какой долгий жизненный ряд он открывает нам! Через полстолетия после пьесы Чацкии и Репетиловы заполняют интеллигентские революционные кружки, через столетие — возьмут власть и в России». (1)

Имея с юности перед собой главную цель — создать правдивую художественную летопись российской трагедии, открывшейся августом девятьсот четырнадцатого, Солженицын «отвлекался» на сторонние темы лишь вынужденно. Вновь всерьёз обратиться к русской поэзии писателю довелось тридцать лет спустя, в 1984 году, когда на страницах эмигрантского журнала «Синтаксис» началась кампания по пересмотру (с непременным шельмованием) наших национальных святынь, — на Западе бушевал постмодернизм, утверждавший «игровое начало» в культуре и отказ от признания реальных её ценностей. «Мир как текст», всего лишь — таким был лозунг постмодернизма. Андрей Синявский выпустил в свет своё сочинение «Прогулки с Пушкиным», где провозглашалось право «рыться в грязном белье так называемых великих людей». На защиту Пушкина и вскинулся Солженицын. В своей статье «Колелет твой треножник» писатель вскрыл цель подробных «Прогулок»: «Нам предложено такое условие игры: всюду искать порчинку или даже искусственно её создавать» (и сегодня ещё не наигрались в это «сбрасывание гениев с пьедесталов» — появилась

целая серия таких книжонок — «Антиахматова», «Маяковский без глянца», «Блок без глянца» и др.) Жажда плебея вскричать о гении: «Он мал, как и мы, он мерзок, как и мы!» Зорко усмотрев порчу, Александр Исаевич дал уничтожающую отповедь «проказнику» Синявскому: «Самое высокое достижение и наследие нам от Пушкина — его способность (наиболее отсутствующая в сегодняшней литературе) всё сказать, всё показываемое видеть, осветляя его». Статья заканчивалась утверждением: «Для России Пушкин — непререкаемый духовный авторитет, в нынешнем одичании так способный помочь нам уберечь наше насущное, противостоять фальшивому». А в последний, кажется, раз Солженицын обратился к поэзии XIX века в своем очерке «А.К. Толстой. Драматическая трилогия и другое» («Новый мир», 2004. 9) где дано блистательное сопоставление драмы «Толстого «Царь Борис» с пушкинским «Борисом Годуновым». Это взгляд на поэта «второстепенного» русской поэтической классики XIX века из века XXI-го, уточняющий место этого драматурга и лирика в русской словесности и ценность его для нас, нынешних.

По возвращении на Родину (май 1994 г.) Солженицын стал жадно знакомиться с освобождённым от советской и партийной цензуры русским словом — ведь, по свидетельству Лидии Чуковской, «он за все 20 лет в Вермонте ни одной советской книги не прочёл». (2) Свои оценочные суждения о прочитанных авторах он собрал в папку «Литературная коллекция»; часть этих очерков напечатана в «Новом мире» последнего десятилетия. «Властители дум» — поэты брежневского времени его внимания не привлекли; он сам по-хозяйски искал и находил нужные имена. Так появились в его «Литературной коллекции» поэты Семён Липкин и Давид Самойлов, Инна Лиснянская, Наум Коржавин и Лия Владимировна, а с учреждением писателем солженицынской премии (1998 г.) в числе её лауреатов оказываются три поэта: Инна Лиснянская (1999 г.), Ольга Седакова и Юрий Кублановский (2003 г.).

Приведём лишь формулировки присуждения; Инне Лиснянской — «За прозрачную глубину стихотворного русского слова и многолетнее явленную в нём поэзию сострадания». Ольге Седаковой — «За отважное устремление простым лирическим словом передать таинственность бытия, за тонкость и глубину филологических и религиозно-философских эссе» и Юрию Кублановскому — «За языковое и метафорическое богатство русского стиха, пронизанное болью русской судьбы; за нравственную точность публицистическо-

го слова». Можно продолжить этот оценочный ряд словами самого А.И. Солженицына о не премированных, но взятых им в свою «Литературную коллекцию» авторах. О Семёне Липкине: «Метафорами не балует, но уж сожмёт, так сожмёт...». О Коржавине: «Духовно превзошёл интеллектуальное смятение в постсоветской поэзии»; «его душевное сотрясение от расставания с Россией поражает своей силой». О Лии Владимировой: «Мало в ком трагический дух эмиграции выражен так ярко»; «внутри самой России и от русских поэтов такую силу чувства к Родине встретишь редко».

Не упустим привести для сравнения премиальные формулы, провозглашаемые у нас членами жюри премии Андрея Белого: «За неравную борьбу поэта с его уделом», (3) «за подрывную работу с материей языка, искривляющую и рассыпающую литературное пространство», (4) «за полувековое творческое самостояние». (5) То есть по сути — за сопротивление языковому материалу!

Особое место в ряду поэтических имён, отмеченных ухватчивым взглядом писателя-академика, отводится, конечно, Иосифу Бродскому — целых 14 страниц в формате «Нового Мира»! Нобелевский лауреат о соравном другом нобелиате! Этот очерк вызвал бурное неприятие тех, кто покушается на «приватизацию» наследия поэта, кто пишет и пишет о нём монографии, мемуары, биографические очерки, заметки, с непременным его превозношением выше всяких заслуг. Это кипение страстей вызвано позицией Солженицына: не очередной панегирик, а рассудочный анализ лучшего из написанного поэтом до 1990 года.

В этом очерке обилие высказанных ушедшему поэту комплиментов для Солженицына — исключительное: «прекрасные стихи», «прекрасные строки», «отменно удачная «Большая элегия Джону Донну»; «Письма римскому другу» звучат и дышат так, будто в самом деле дошли к нам из древнего Рима»; «В рифмах Бродский неистощим и высоко изобретателен», «текут виртуозные строфы», «поражает блистательной виртуозностью», «фонтан эпитетов»... А об «Осеннем крике ястреба»: «Это не только из вершинных стихотворений Бродского, но и — самый яркий его автопортрет, картина всей его жизни». Но при этом — оттолкнувшее многих (особенно из числа знавших поэта лично) резюме: «Ирония — мода западных интеллектуалов XX века — не могла не заполнить Бродского, хотя бы — как — при его личной уязвимости — форма самозащиты». Констатация: «Обширной русской почвы Бродский почти не коснулся. Да и весь

дух его — интернациональный, у него отприродная многосторонняя космополитическая преемственность». Но кто сказал, что точное позиционирование Бродского в мировом поэтическом пространстве — грех или порок исследуемого поэта? А разве не космополитичны ставшие классиками XX века Пауль Целан и Кавафис?

Ещё в последний год жизни в Вермонте Солженицын пригвоздил к позорному столбу постмодернизм как псевдоискусство бездуховного общества потребления. «Бога — нет, истины — нет, мироздание — хаотично, в мире все относительно, «мир как текст», который берётся сочинить любой постмодернист», — как всё это шумно, но и беспомощно само в себе». (6)

Вернувшись на Родину, Солженицын возглавил борьбу за восстановление самооценности культуры в противовес тем, кто хотел бы видеть её всего лишь «игровым полем», литературу — товаром, а поэзию — разве что одним из видов интеллектуальных упражнений. Солженицын уверенно возвращает наше общество к мировым и национальным духовным первоначалам (как тут не вспомнить В.А. Жуковского — «поэзия есть Бог в святых мечтах земли»). В речи «Исчерпание культуры» (7) в Российской Академии наук 24 сентября 1997 г. Солженицын, опираясь на слова Папы Иоанна Павла II о том, что вслед уже известным нам двум тоталитаризмам теперь грядет Тоталитаризм третий — Абсолютная власть денег, провозглашал: «Главное в культуре — развитие, обогащение, совершенствование нематериальной жизни». И поэзия — в её возвышающей миссии служит этому.

Источники:

1. Александр Солженицын. Протеревши глаза. Изд-во Наш Дом — L'Age D'homme. 1999. сс. 3176 и 365..
2. Лидия Чуковская. Счастливая духовная встреча. «Новый Мир» № 9 2008. с. 79–139.
3. Формулировка премирования Ярослава Могутина (2000 г.)
4. Формулировка премирования Андрея Левкина (2001 г.)
5. Часть формулировки премирования Всеволода Некрасова (2007 г.)
6. Игра на струнах пустоты. В кн. Александр Солженицын, Избранное. Москва. 2004 г. с. 326.
7. Исчерпание культуры. В кн. Александр Солженицын. Избранное. Москва. 2004 г. с. 468

«Санкт-Петербургские ведомости», 11.12.2008.